
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

О СМЕРТИ ЧЕХОВА

Я не фаталист, но одно сектантское поверье возбуждает во мне мрачную уверенность: смерть убирает человека тогда, когда все, и дурное и хорошее, что могла получить от него жизнь, – получено, мера дел его исполнена, и лицо его ясно перед Богом.

И еще думаю я, что абсолютной правды на земле нет, и потому важно не то, о чем пишет писатель, не те истины, которые он якобы открывает, а его Собственная личность, поскольку она велика и своеобразна.

И исходя из этих двух положений, я думаю, что Чехов умер вовремя и должен был умереть.

Однажды, осенней слякотью, проходя по Петербургской стороне, я поднял с панели бумажку, на которой малограмотный человек записал себе те книги, которые хотел взять из библиотеки. Так и было записано: взять то-то и "третий том Чехова-милого человека"!

В то время много говорили о том, что человек звучит очень гордо, и из миллионов хулиганов, добродетельных мещан, солдат, мужиков, купцов, чиновников, попов и царей стремились вылепить величественный образ человека.

Было потрачено много стараний и много шума, но величественный образ не вытанцовывался и роковым образом, через силу, гордость, своеволие и сверх переживания, впадал в величественную пошлость, желавшую плевать на весь свет и плюющую на собственное самодовольное чрево.

Человека обряжали в плащ индивидуализма, надевали хитон христианина, совали ему в руку красный флаг товарища, пускали голяком анархистом на оголенной земле, а он; одетый и голый, равно упорно оказывался если не зверь зверем, то свинья свиньей.

По-прежнему, рождаясь, человек становился в тягость себе и другим и аккуратно увеличивал собою ряды или плохих людей, от которых жить скверно, или очень хороших, принципиальных, с которыми жить трудновато.

Долго я думал над тем, каким должен быть, наконец, человек, чтобы от его личности не торчали во все стороны острые углы прямо в ребра его ближним. И только найдя эту бумажку, в которой какой-то наивный брат мой от всего немудрого сердца воскликнул по адресу Чехова "милый"! – я кое-что уразумел и нарисовал наконец себе настоящего человека.

Это не величественный образ – и это слава Богу – ибо от величий всех сортов на свет смотреть стало тошно.

Но это Человек, при жизни которого у всех возбуждается желание войти с ним в общение, а после смерти является потребность тихо и вдумчиво говорить о нем, неуловимыми сближениями перенося из его личности в свою нечто драгоценное.

Таким человеком был Чехов.

Я не успел узнать его лично, выйдя на литературную дорогу чуть ли не в год его смерти, но я знаю его лучше многих из тех, что намозолили мне глаза и душу.

Знаю, ибо всякий, знавший Чехова, при воспоминании о нем становится ласков, задумчиво грустен, интересен и много говорит о нем, торопясь высказать что-то особенное, чему на человеческом языке и названия нет; а все, не знавшие его, спрашивают о нем и, слушая, становятся тише, мягче и как будто лучше.

Обаяние Чехова и должно быть исключительными и носить особый милый характер, ибо в нем соединились все лучшие, милые черты человеческого духа.

Был он тонко остроумен, имел взгляд беспредельно широкий и, не наваливаясь всей тяжестью, как иной слон мысли человеческой, в одну точку, легко проходил мыслью по всем изгибам жизни, в ее радости, горе, поэзии, скуке, глупости, трагичности, сложности и простоте.

Был он добр и не сентиментален, ибо никого не ненавидел, но никого и не облюбовывал свыше меры. Был нежен и не слащав, с ласковой иронией относясь ко всему, что трогает красотой и возбуждает жалость своей слабостью и недолговечностью, как все на земле. Был он культурен во всех мелочах и просто естественен, как ребенок. Был он большой художник – весело-грустный и